

Следовательно, по ним обоим человек научается одной и той же науке, но Раймунд Себундский не отказывается от мысли, что наука, которую предлагает он — как мирянам, так и духовенству, — имеет редкостные преимущества не только потому, что ею можно овладеть всего за один месяц без всяких усилий («*potest haberi infra mensem et sine labore, nee opus aliquod impectorari*»*), но и потому, что, овладев ею, человек узнает больше, чем после изучения теологов на протяжении ста лет, и узнает, не подвергаясь опасности впасть в заблуждение: «В этой науке используются непоколебимые доводы, на которые никто не может как-либо возразить, ибо аргументация опирается на самые очевидные человеку вещи, то есть на опыт, или же на всю вообще тварь и на природу самого человека. Она все доказывает через человека и через то, что человек надежно узнаёт о самом себе на опыте, и прежде всего — на опыте своей внутренней жизни (*et per illa quae homo certissime cognoscit de seipso per experimentiam, et maxime per experientiam cujuslibet intra seipsum*). Именно потому эта наука не привлекает других свидетелей, кроме самого человека (*et ideo ista scientia non quaerit alios testes quam ipsummet hominem*)». Произведение действительно должно было быть вдохновлено подобной программой, чтобы привлечь внимание Монтеня, который перевел ее на французский и откомментировал в своей манере в знаменитой «Апологии Раймунда Себундского» («*Apologie de Raymond Sebond*»). Любопыт-

но, что в этом переводе запрещенный «Пролог» явно исправлен и приведен в согласие с ортодоксией. Преодолев этот опасный утес, Монтень мог без угрызений совести переложить на французский тот христианский натурализм, центром которого было познание самого себя и который отцы Тридентского собора не тронули своей цензурой. В результате он ввел экземпляризм (образцовость очевидности) Луллия и св. Бонавентуры в основное русло французской мысли; но это был также и августиновский метод самопознания — столь же древний, сколь и современный, — который восприняли многие последователи Монтеня. «Нет ничего более очевидного и более присущего каждому, чем его собственная совесть», — писал Монтень. Можно ли увидеть Монтеня в более чистом виде? Но тогда он лишь перевел Раймунда Себундского, а за только что приведенной и звучащей так по-современному формулировкой скрывается «*nihil sibi ipsi praesentius quam anima*»** св. Августина.

ЛИТЕРАТУРА

Александр Гэльский: *Doctoris irrefragabilis Alexandri de Hales (O. M.). Summa theologica, ad Claras Aquas. Quaracchi, 1924—1930, vol. 1—3*; относительно аутентичности текста: Gorce M. *La Somme Theologique d'Alexandre de Hales est-elle authentique? // The New Scholasticism, 1931, v. 5, p. 1—72.*

Иоанн (Жан) из Ла-Рошели: *La «Summa de Anima», di Frate Giovanni della Rochelle... Quaracchi, 1882*; о его учении: Manser G. *Johann von Rupella. Ein Beitrag zu seiner Charakteristik mit besonderer Berücksichtigung seiner Erkenntnislehre // Jahrb. f. Philos. und spek. Theologie, 1912, Bd. 26, S. 290—324*; Minges P. *Zur Erkenntnislehre des Franziskaners Johannes de Rupella // Philosophisches Jahrbuch, 1914, Bd. 27, S. 461-477.*

Св. Бонавентура: *Doctoris Seraphici S. Bonaventurae... Opera omnia. Quaracchi, 1882—1902, vol. 1—10*; *Commentaire sur les Sentences. Quaracchi, 1934*; *Collationes in Hexaemeron.*

О — Q1

Часть 21.